

Девочки (дневник матери)

Публикацию
подготовила
А. Раскина.

Продолжение.
Начало в № 8–12
за 2010 год
и в № 1–5 за 2011 год

Гале Кулаковской 11 лет 10 с половиной месяцев,
Саше Раскиной 6 лет 9 месяцев.

9 февраля 49.

Саша:

— Лена, ты веришь в бога?

Лена:

— Верю.

Саша:

— Ну а *как* ты веришь?

Лена:

— А так, просто: сижу и верю.

*

Галя задала Саше урок. Саша сидит, корпит, выводит буквы и цифры. Вздыхая, приговаривает: «Ах, эти восьмерки меня просто в гроб вгонят, они меня прямо доконают, так трудно их писать!»

*

Саша пишет Шуру открытку:

— В слове «здравствуй» — одно «р» или два? Сначала мне не хотелось писать, а теперь знаешь как стало приятно? Это, наверное, потому, что я его люблю. А как мне подписаться: «Саша»? Или: «Твоя дочка». Нет, я знаю, я подпишусь: «Твоя младшая дочка», чтоб он не подумал, что это Галя.

*

Саша:

— Мама, я тебя раз спросила: «Что такое любовь»? А ты сказала: «Это когда готов всё для человека сделать». Вот так любовь!

— Что, мало?

— Конечно, мало! Любовь, это когда ходишь за человеком хвостиком и как только он свободен, начинаешь с ним разговаривать. Вот как я с тетей Аней.

*

Сашу с каждым днем все больше угнетает ее смуглота. Купаясь, она просит Анну Федоровну: «Тетя Аня, три меня посильнее. Может, черная кожа сойдет, а под ней — белая, хорошая. Ах, зачем родители возили меня рожать в Ташкент! Неужели им нравятся такие черные дети? Если бы ты знала, как мне хочется быть беленькой, хорошенькой!»

15 февраля 49.

Шура Саше:

— У тебя ручки совсем холодные, а ручки и ножки должны быть теплые.

Саша:

— У меня не ручки и ножки, а руки и ноги! (Со злостью).

*

Проработав подряд восемь часов, я говорю:

— Я, кажется, обалдеваю...

Услышав это, Саша идет к Шуру и сообщает ему доверительным шепотом:

— Мама совсем обалдела.

— От тебя? — спрашивает Шура.

— Вовсе нет, — отвечает Саша с обидой, — от работы от своей.

19 февраля 49.

Саша:

— А почему кошки рожают без помощи кота? Кошкам что, муж не нужен?

23 февраля 49.

— Саша, ты в который раз читаешь эту книгу?

— В *стотый*.

И правда: закончив книгу, она тут же, без всякой передышки, открывает первую страницу и начинает читать снова. Иногда просит: «Найди мне место, где к Зое приезжает ее отец». Или: «Найди место, где рассказывается, как Зое подарили куклу», — и с упоением перечитывает такие избранные места. А книжка-то плохая-преплохая. («Школа в лесу»). Сладкая, розовая. Как говорит Корней Иванович — мармеладная.)

6 марта 49.

У Сашки кончилось воспаление среднего уха. Началось оно в конце февраля. Каждый год и, примерно, в одно и то же время.

8 марта 49.

Девочки преподнесли мне шоколад, Анне Федоровне — письмо и цветы.

Саша:

— Мы были в шестях магазинах... Нет, в шестерых магазинах...

*

Галя:

— Мама, ну пожалуйста: ребеночка или собачку, ну прошу тебя, знаешь, как я буду их любить!..

*

Саша:

— Тетя Аня, ты русская?

— Русская.

— А кто я?

— Ты еврейка.

Саша (удивленно):

— Разве я еврейка?

— Кто же ты?

— Я узбечка, а Галя — москвичка. Папа тоже москвич. Если бы он был еврей, он знал бы еврейский язык, а он его не знает.

Я:

— А ты разве знаешь узбекский язык?

— Нет, не знаю.

— Какая же ты узбечка?

Саша (после некоторого раздумья):

— Да, пожалуй, я тоже москвичка, как Галя.

21 марта 49.

Если, читая, Саша доходит до страшного или печального места, она садится рядом со мной и берет меня за руку. По ее пальцам я могу судить обо всем, что происходит в книге: если пожатие становится крепче, дела героя плохи. Если пожатие ослабевает, дела героя идут на лад. Если Саша просто оставляет мою руку — книга кончилась хорошо. Если она переползает ко мне на колени и вздыхает, значит, развязка печальная.

Саша:

— Мама, подхожу я к этой бутылке из-под вина, заглядываю в горлышко: ничего нет. А мне так хочется, хоть капельку. Тогда я беру эту большую таблицу умножения, свертываю в трубку и говорю сквозь нее бутылке: «Вино, вино, налейся! Вино, вино, налейся!» И вдруг вижу: там появилось несколько капелек вина. Я их выпила и думаю: значит, эта трубка волшебная? Надо проверить. Как же это сделать? Смотрю я на обложку этой книги — она зеленая. Беру трубку и говорю очень вежливо: «Обложка, обложка, покройся розами и тюльпанами, ромашками и незабудками!» Несколько раз повторила, но обложка как была зеленая, так и осталась. Что бы это значило? Волшебная у меня трубка или не волшебная?

22 марта 49.

Я читаю Саше греческие мифы. О Зевсе она отозвалась так:

— У, черт! Из-за какой-то одной искорки так разозлился?

Сегодня она сказала мне:

— Мама, по-моему, если уж верить в бога, то уж в одного Прометея, да?

2 апреля 49.

Муки Тантала не производят на нее ни малейшего впечатления, только смешат.

— Понимаешь, — говорю я, — он стоит по горло в воде, но стоит ему нагнуться, чтобы отпить хоть немного, как вода тотчас отливает и пруд кажется совсем высохшим.

— Обидно, должно быть! — говорит Саша и смеется.

Это, наверное, потому, что муки жажды и голода ей еще не известны. Поэтому она и не жалеет Тантала. Сизифу она тоже не сочувствует. История с камнем, который то и дело скатывается, кажется ей смешным фокусом.

4 апреля 49.

Я читаю «Педагогическую поэму». Смеюсь, плачу, не нахожу слов — как хорошо! Девочки пристают: «Почему смеешься? Про что тут написано? Расскажи». — Тогда я прочла им про то, как Антон Семенович ударил Задорова и про то, как судили Буруна за воровство. Саша заморожена. Требуется, чтобы ей дали прочитать всю книгу.

6 апреля 49.

[6 апреля 1949 года в разгар «борьбы с космополитизмом» в Ленинграде арестовали ближайших друзей семьи Ф. А., Илью Захаровича Сермана и его жену Руфь Александровну. Им предъявили обвинение в «еврейском национализме и антисоветской агитации» (печально знаменитая статья 58-10), через несколько месяцев судили и приговорили И. З. к 25 годам, а Р. А. — к 10 годам заключения. Гале Ф. А. сказала, что это судебная ошибка и

что друзья за них хлопочут (и действительно пыталась что-то делать: писала Эренбургу, консультировалась с адвокатами, и т. д., но изменить приговор, разумеется, ей не удалось), а маленькой Саше сказали, что тетя Руна и дядя Илюша уехали очень далеко — что тоже, в общем, было правдой. Четырехлетняя Ниночка осталась жить с бабушкой Генриеттой Яковлевной, а двухлетнего Марика забрали в Одессу родители Р. А.. На лето детей часто соединяли в Одессе, и Ниночка иногда проездом оказывалась в Москве «на Ермолаевском», поскольку Ф. А. и А. Б. продолжали тесно общаться с Генриеттой Яковлевной и счита-

ли ее и Ниночку как бы частью своей семьи. Но писать всего этого, тем более в детских дневниках, Ф. А. в то страшное время не могла. О многом можно догадываться по фотографиям Ниночки и Марика на страницах дневников.

В архиве Ф. А. Вигдоровой, кроме детских дневников, сохранилось множество блокнотов с ее записями. В одном из них, календарного типа, где на каждом листке стоят месяц и число, на листке с датой «Апрель 6» Ф. А. приписала «49 года» и вклеила туда обрывок конверта, на котором без подписи, но почерком Руфи Александровны, карандашом написано:

«Фридуша, сестричка, целую тебя. Помни нас. Спасибо за всё.» Когда Р. А. это написала (ясно только, что после ареста), и как ей удалось передать эту записку Ф. А., — установить уже невозможно. — А. Р.]

Саша прочла всего «Тараса Бульбу». Сама.

— Мама, тебе жалко Андрия?

— Жалко-то жалко, а все-таки Тарас его за дело убил.

— Это, конечно, — соглашается Саша. — За дело. Но все-таки жаль. Пусть бы уж лучше он ему назначил самые плохие муки, но не убивал. Мама, Тарас ведь хороший?

— Хороший, конечно.

— А почему же он был таким грубым со своей женой?

Я не знаю, что ответить. Тогда Саша сама приходит мне на помощь:

— Может, он не знал, что ей это неприятно?

— Может быть.

— Да, наверное, не догадывался. Но если не считать этой грубости, мне Тарас очень нравится.

7 апреля 49.

Саша:

— Мама, тут в книжке написано «вши». Кто это такие?

Саша нагубила Шуре.

— Проси прощения! — говорю я.

Саша шепчет мне в самое ухо:

— Мама, как ты не понимаешь: сейчас неудобный случай.

Сейчас папа меня не извинит, сейчас неудобный случай.

И находит-таки, каналья, удобный случай — ночью, когда Шура укрывает ее, она сквозь сон говорит ему:

— Папа, прости меня, пожалуйста!

И Шура не может устоять. Он говорит утрировано:

— Ладно уж. Спи.

Когда Саше говорят: «Ты, Саша, в «Тарасе Бульбе», наверное, половину не поняла», — она отвечает: «А вот и нет! Всё поняла! Мне же не два месяца, чтоб читать какие-нибудь “Ладушки”».

Ни на какие Шурины провокации, спрашивавшего, женился ли Тарас на Бульбе, она не пошла.

Гая:

— Мама, когда я раньше читала слова: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», — я думала, что Пушкин хвастается, воображает. Но теперь я понимаю...

Сажусь работать и велю детям не приставать. Немного погодя Саша осторожно:

— Мама, ты сосредоточена? Можно тебя спросить?

Галина записка:

«Мамочка! Мне попался 9 билет — приставки, их правописание. Я утром повторила их. Они мне и попали. Стала я говорить приставки, меня остановили. Молодец! Видно, что знаешь. Сказала басню. Получила 5. Меня похвалили. Я разбираю такое предложение: “Дома в ту пору без дела злая мачеха сидела перед зеркальцем своим и беседовала с ним”. Мне поставили 5».

25 июня 49.

Саша:

— Мама, ты нас ненавидишь за то, что мы с Галей живем недружно. А мне надо, чтобы ты нас навидела.

*

Мы с Галей ходили встречать Ниночку. Ее привезли друзья. На вокзале она долго оглядывалась, искала глазами маму, но ни о чем не спросила. Видно, она надеялась, что мама ждет ее у нас. Но у нас ее не было. Галя умыла Ниночку, я накрыла на стол. Усадив Ниночку, я увидела, что по лицу у нее текут слезы. Я впервые видела, чтоб четырехлетний ребенок плакал вот так горько, молча.

*

За Ниночкой приехала бабушка и увезла ее к себе в Одессу.

*

Шура купил Саше двухколесный велосипед, она никак не могла научиться.

— Если не научишься, — сказала я, — буду презирать тебя всю жизнь.

Я не приезжала на дачу неделю. Приехав, была встречена торжествующим воплем: «Я научилась!»

Тут же села на велосипед и поехала, выкрикая:

— Ну, как? Теперь не презираешь? Теперь больше не презираешь?

*

Первого мая мы с Сашей ходили по улицам, купили красный воздушный шар и пустили его на волю. Он летел красиво и плавно. Люди останавливались и улыбались, следя за ним.

— Вот видишь, скольким людям удовольствие доставили, — сказала я.

Потом, даже три дня спустя, Саша, рассказывая про шар, непременно добавляла: «Вот сколько удовольствия мы людям доставили!»

1 июля 49.

Очень люблю эту белорусскую песню и буду петь ее Сашке:

Наша перепёлочка старенькая стала.
Ты ж моя, ты ж моя, перепелочка,
Ты ж моя родная перепёлочка.
А у перепёлки заболели ножки.
Ты ж моя, ты ж моя перепёлочка,
Ты ж моя родная перепёлочка.
А у перепёлочки маленькие детки.
Ты ж моя, ты ж моя перепёлочка,
Ты ж моя родная перепёлочка.
Поиграй же с нами, перепёлочка.
Ты ж моя, ты ж моя перепёлочка,
Ты ж моя родная перепёлочка.

9 июля 49.

Выслушав песню, Саша заплакала:

— Я потому плачу, — объяснила она, заливаясь слезами, — что перепёлочка старая, у нее всё болит, а дети этого не понимают и еще говорят: поиграй с нами.

*

Шура сказал Саше:

— Ты так много разговариваешь, что я стану звать тебя хрюшка-говоряшка.

— А еще лучше поросытина-говорятина, — предложила Саша.

Чувство юмора у нее безошибочное.

*

Я уже записала ее в школу. К той учительнице, которая учила когда-то Изю — с первого по четвертый класс. Ее зовут Александра Ильинична Воскресенская.

*

Шура Саше:

— Ты что всё споришь со мной? Разве можно идти против отца?

Саша:

— А Павлик Морозов?

24 июля 49.

Я сижу и работаю. Рядом со мной за столом сидят Галя, Эдда и Саша. Галя читает «В Крымском подполье», Эдда — «Возмутитель спокойствия», Саша — «Военную тайну» Гайдара. Тишина. Скрипит

**Ниночка и Марик (Бубик) Серманы.
1948 г. (вверху), лето 1949 г. (внизу)**

мое перо, дети дышат и листают страницы. И вдруг Саша говорит Эдде:

— Читай спокойно, Ходжу никогда не убьют.

— Зачем ты мешаешь ей читать? — спрашиваю я. — А мне работать?

— Я хочу, чтобы она не беспокоилась за Ходжу. Я не рассказываю ей содержания, я только говорю: читай спокойно, Ходжу не убьют.

20 августа 49.

На днях я случайно узнала, что мы — люди с достатком. Произошло это так.

— Понравилась тебе книга о Суворове? — спросил Сашу Овадий Герцевич [Овадий Герцевич Савич, писатель, друг Ф. А. и А. Б. — А. Р].

— Нет, — решительно ответила Саша.

— Почему?

— Во-первых, он все время хвастает: сделает что-нибудь хорошее и сразу же начинает говорить: вот я какой! Потом мне не нравится, что он богатый, ездит в карете, и все там ходят в золоте-серебре. Я люблю, когда люди живут не богато и не бедно, а просто с достатком, вот как мы, например. Я понимаю, что Суворов был очень хороший, но все-таки меня огорчает, что он

хвастал. И почему бы ему не ездить в трамвае, а непременно в карете?

25 августа 49.

На Сашу жалуется Клава Куприянова. Саше сильно достается. Рыдая и оправдываясь, она говорит:

— Она врет, не трогаю я ее Иришку — зачем мне она? Вот ты удивишься, что я люблю больше мужчин, чем женщин. Так разве с дядей Сеней могла бы произойти такая история? Нет, мужчины гораздо лучше! — повторяла Саша сквозь плач. — Они не ябеды и не вруны...

27 августа 49.

Саша:

— Мама, а ты не будешь огорчаться, если я вместо золотой медали получу серебряную?

Я:

— Рано еще об этом думать.

Саша:

— Почему рано? Через какие-нибудь десять лет...

1 сентября 49.

Отвела Сашу в школу. Она проснулась сегодня в 5 часов утра и очень волновалась. Прощаясь со мной на школьном дворе, сказала сдавленным голосом:

— До свидания, мамочка. Передай привет папе.

Учительница вышла к ним навстречу веселая, смеющаяся.

Еще не заметив меня, направилась к Саше:

— Сразу узнала, вся в дядю!

Саша так сияла в ответ, что я чуть не ослепла, глядя на нее.

К часу надо пойти за ней.

*

Первый день полон событий.

Шура надел свой лучший костюм, я свое самое нарядное платье, и мы вместе отправились за ней в школу. И вдруг вместо хорошего, здорового ребенка, которого мы привели утром, нам выдали девочку с кривой шеей. Дело было так.

На первой же перемене Галя пошла навестить Сашу и увидела, что наша первоклассница держит голову набок.

— Ты почему наклонила голову?

— Шея болит.

Галя отвела Сашу к врачу; оказалось, вспухли желёзки, и называется эта болезнь кривошей. Надо лечь в постель в дня два-три не ходить в школу. Саша, услышав это, залилась горькими слезами. Но по дороге домой она уже довольно бодро рассказывала нам с Шурой о первом школьном дне:

— Всё было очень хорошо. Мне всё очень нравится. И учительница, и моя парта. Со мной сидит девочка Лида Слепак. Нам директор сказал три речи. Первую в школьном зале. Он сказал, чтоб мы хорошо учились. Третью он сказал у нас в классе. Он сказал, что Александра Ильинична очень хорошая, учит детей уже 40 лет и заработала орден Ленина. (Вторую речь обнаружить не удалось. Но Саша утверждает, что их было равным счетом три.) Потом директор ушел, и нам сказала речь Александра Ильинична. Она показала нам портрет Ленина и спросила: «Кто это?» Все девочки сказали: «Ленин!» Тогда она стала рассказывать про Верховный Совет и про то, как он любит детей и заботится о них. Про то, как он хочет, чтоб все люди стали хорошие и строили коммунизм. (Коммунизм, — говорит Саша). Потом Александра Ильинична повесила картину «Лето в парке». А кто не умел читать, должен был сказать, по каким признакам видно, что это лето. Девочки говорили-говорили, а потом Александра Ильинична спросила меня, не хочу ли я чего-нибудь сказать? Но я сказала, что я согласна с тем, что говорили другие девочки. Потом нам велели нарисовать то, что больше всего понравилось летом. Я нарисовала лес.

Тут мы пришли домой, уложили Сашу в постель, погрели синим светом и закутали ей шею. И она спросила:

— Почему это, когда я или Галя больны, с нами обращаются как-то нежнее?

Саша и другие девочки нашли у себя на парте книжку с дарственной надписью (*Ученице 1 кл. «А» 175-ой школы Саше Раскониной от учительницы*) и открытку.

9 сентября 49.

Саша снова пошла в школу. Она, как говорит Шура, переживает кризис жанра: школа нравится ей несколько меньше.

— Одна девочка на уроке показывала язык, ты только подумай: на уроке! А другая зевнула раз, другой, а потом положила голову на парту, да и заснула.

*

Я:

— Если не будешь гулять, станешь бледная.

Саша:

— Ну и что же, что бледная: за это ведь отметок не снижают.

*

Галя на даче прибежала ко мне, запыхавшись:

— Мама, к тебе сейчас придет Сережкина мать жаловаться: я ее Сережку стукнула три раза по шее.

— За что же ты его?

— Он сказал мне «жид».

— А-а, — говорю я. — Ну, пусть мать приходит.

Жду — никто не идет.

— Что ж Марья Петровна не пришла? — спрашиваю вечером.

— А Сережка ей не пожаловался. Он говорит: «Мне нет смысла ей рассказывать».

*

Саша Лене:

— Самое плохое — врать, спорить и ябедничать. Я раньше ябедничала, а теперь перестала.

Ленина считалка:

Из-под горки катится
Голубое платице.
На боку зеленый бант,
Ее любит музыкант.
Музыкант молоденький,
Зовут его Володенькой.
Через годик, через два
Будешь ты его жена.

12 сентября 49.

Саша долгое время звала меня «Милочка». Сегодня она сказала: — Послушай-ка, что я надумала: я буду звать тебя «Людмилочка» — это значит «мила людям», ведь тебя же твои знакомые любят?

*

Саша:

— Ох, мама, у тебя лицо сердитое... Когда у тебя лицо сердитое, мне сразу так скучно становится...

13 сентября 49.

Саша:

— И еще я Суворова, знаешь, за что не очень люблю? За то, что он часто нападал первый. Правда, в книжке это не очень понятно сказано, но я все-таки догадалась, что он нападал первый.

*

Я прочитала ей «Батрачку» Шевченко. Слез было!

— Зачем, зачем ты мне читаешь книги с таким плохим концом?!

16 сентября 49.

Галя:

— Мама, вот послушай из «Швамбрании»: «Когда в нашей квартире засорялась уборная, замок буфета ущемлял ключ или надо было двинуть пианино и поправить электричество, Аннушку посылали вниз, где жил рабочий железнодорожного депо, просить, чтоб “кто-нибудь” пришел. Кто-нибудь приходил, и вещи смирялись перед ним. Мама говорила: “золотые руки” и пересчитывала в буфете серебряные ложечки...» На кого это похоже, а? На маму Соню! Ну, конечно, на маму Соню!

Саша:

— Титичная мама Соня.

Она же:

— На этом платье нет кармана, а я просто погибла без кармана.

Гая:

— Откуда у тебя такие словечки: «типичная», «погибаю»?

Саша:

— Как откуда? Из книг, конечно.

*

Саша:

— Мама, вот я читаю про Володю Дубинина. У него был отец, молодой довольно, и там сказано, что он жил в 35-м году, а потом говорится, что он жил еще в 19-м веке.

— Не в 19-м веке, а в 19-м году.

— А я думала, что это одно и то же.

*

Саша:

— Мама, мне наш физкультурник не нравится. Он повышает голос и очень грубо кричит, вот так: «Р-рав-ныйсь! Ста-но-вись!» Мне это не нравится.

— Дурочка, так ведь это команда. Разве можно командовать тихо?

— Не тихо, конечно, но зачем же грубо? Можно так: равныйсь! Становись! (Эти слова Саша произносит ласкательным, почти просительным голосом.) Нет, он мне не нравится, и у меня с ним вражда. Он говорит, что я плохо играю в «солнышко» и в «птички».

*

Саша:

— Тетя Аня говорит, что мы все как цветки: я еще маленькая, Галя только начинает цвести, ты, мама, цветешь, а она, тетя Аня, отцветает. Это значит, что Галя молоденькая, ты не совсем молоденькая, а тетя Аня совсем не молоденькая.

Скучно узнать, что ты «не совсем молоденькая».

*

Прощаясь с Лидией Корнеевной, Саша узнает, что Лидия Корнеевна идет в милицию.

— Привет милиционеру! — говорит любезная Саша.

*

Школа ей нравится с каждым днем больше. Но пишет она с кляксами. А обложка тетрадки уже в каких-то жирных пятнах.

Встает она с трудом, хотя и ложится рано — между 8 и 9 ч. Сегодня пояснила мне:

— Я читала в одной книжке, что надо развивать волю. И когда утром мне очень не хочется вставать, я вспоминаю, что надо развивать волю, и раз-два! — быстро встаю.

*

Саша:

— Мама, почему бы тебе не выйти замуж за дядю Сеню? Переженитесь: ты выходи за дядю Сеню, а папа пусть женится на тете Ляле. Мне дядя Сеня очень нравится, он закаленный, и на даче ходил босиком.

*

Саша:

— Мама, мы с тобой дружим?

— По-моему, дружим. А ты как думаешь?

— Я тоже думаю, что дружим. Но я захотела проверить.

*

Саша:

— Мама, давай играть — кто кого ласковой назовет: я тебя или ты меня.

17 сентября 49.

Саша:

— Для девочек я знаю много ласковых слов: ласточка, солнышко, звездочка и еще много. А для мальчиков я знаю только одно ласковое имя: орёл.

18 сентября 49.

Шура с Сашей пришли в Союз писателей. Саша смотрит на скульптуру Венеры и говорит:

— Зачем тут стоит голая женщина?

— Это богиня, — отвечает Шура, полагая, что вопрос исчерпан.

— А разве у богини бывает пупок?

И верно: откуда бы у Афродиты пупок, если она возникла из морской пены?!

*

Шура:

— Саша, принеси мне воды, но только, пожалуйста, не урони чашку, не разбей графин и не ударься головой о подоконник.

Саша:

— Я непременно уроню чашку, разобью графин и расколочу себе голову о подоконник.

Но воду приносит.

*

Елена Евгеньевна подарила Саше шапочку. Встретившись с ней, Саша сказала:

— Ваш беретик мне ужасно *пригожается*.

23 сентября 49.

Саша:

— Мама, почему тебя так долго не было? Я прямо исстрадалась за это время.

*

Саша:

— Мама, почему папа так много шутит?

Помолчал:

— И почему он иногда так много сердится? И так часто мерит мне температуру?

24 сентября 49.

Я пришла за Сашей в школу.

— Можно, к нам в гости пойдет Света Копейкина? Я ее пригласила, — говорит Саша.

Света Копейкина стояла тут же и обратного хода у меня не было. Мы пошли домой. За всеми девочками приходили мамы, а за Светой никто не пришел. И тогда она сказала:

— Слава богу, скоро я перестану мучиться. Моя мама через три дня пойдет в отпуск и станет приходить за мной. Она меня будет ждать вот на этом углу.

Саша была очень довольна:

— Ты любишь, когда тебе читают? Хочешь, я дома тебе прочитаю? Ты любишь про приключения? Приключения — это когда про страшное, про плохое, а потом хорошее, веселое. А потом пойдем во двор и будем играть в мяч.

Света (маленькая, беззубая, круглолицая, беловолосая, с бантом на самой макушке) на всё была согласна. Но, придя к нам, она категорически отказалась завтракать.

Саша уговаривала ее так:

— Разве можно не кушать? Ты ведь будешь тогда получать двойки. Моя сестра Галя решила не есть по утрам и сразу же стала получать тройки. Будешь хорошо есть — будешь хорошо учиться.

Но Света не сдавалась. Тогда Саша пустила в ход совсем уж неожиданное оружие:

— А ты хочешь выйти замуж, когда станешь большая? Чтоб муж у тебя был хороший, не какой-нибудь урод, а красивый? Тогда кушай. А не станешь есть, жених у тебя будет рябой, мне это бабушка Валя так говорила.

И тогда Света Копейкина призналась:

— Я боюсь твоего папу.

Саша стала уверять ее, что Шура совсем не страшный.

— Ты очков испугалась, да, очков? Так ведь это потому, что он плохо видит, что ж тут страшного?

И принялась кормить Свету с ложечки. Та покорно открывала рот и глотала, насколько я могла судить, не жуя.

Потом они пошли во двор и долго гуляли там. На прощанье Саша показала Свете нашу вторую комнату:

— Здесь, — сказала она, указывая на Шурину кровать, — спит Михаил Иванович, здесь — Настасья Петровна, а тут — маленький Мишутка.

*

Саша поглощена тем, что они с классом едут на экскурсию («искуссию») в Останкино.

— Ты будешь писать мне туда? — спросила она и была разочарована, узнав, что с экскурсии возвращаются в тот же день.

(Продолжение следует)